Максим Булахтин

«Возвращение украденных латинских душ»: политика полонизации православия в межвоенной Польше

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-4-261-284

Maxim Bulakhtin

"Returning the Stolen Latin Souls": The Policy of Polonization of Orthodoxy in the Interwar Poland

Maxim Bulakhtin — Perm State University (Perm, Russia). bulachtin@yandex.ru

The policy of the Polish government towards the Eastern Orthodoxy in the northeastern regions was turning tougher on the eve of the Second World War. Polish officials feared that the USSR would meddle in Polish domestic affairs using the Orthodox Church, and therefore they tightened control over the Church and the flock. The government wanted to tie the Orthodox community closer to the Polish nation. Religious practice and education were supposed to be Polonized; a number of Orthodox churches and parishes were closed; some disloyal priests were replaced by those loyal to Poland. The government also tried to strengthen the influence of the Catholic Church in Poland's eastern regions.

Keywords: Poland, Orthodox Church, Roman Catholic Church, interwar period.

Возрождение независимости Польши в ноябре 1918 г. требовало от польской политической элиты решения большого комплекса задач в области государственного строительства. Одним из важнейших направлений деятельности польского руководства стала интеграция восточнославянского населения в состав Речи Посполитой. На протяжении всего межвоенного периода власти реализовывали политику национальной и государственной ассимиляции непольского населения. Даже маршал Ю. Пилсудский, в период становления независимой

Польши выступавший за создание федеративного государства, в последующем относился к уступкам в пользу национальных меньшинств как к потенциальному источнику роста сепаратистских настроений[1]. Под этим углом зрения власти рассматривали и Православную церковь, притесняли ее и подвергали жесткому давлению. В 1918–1933 гг. Православная церковь лишилась в этой стране около 500 храмов[2]. В одном только Люблинском воеводстве в 1938 г. было уничтожено 127 православных святынь, включая памятники церковной архитектуры XVI в. Как отмечает исследователь П. Зубовский, на территории бывшего Царства Польского православным церквям часто отказывали в привилегии считаться сакральными объектами. Их рассматривали в качестве орудия прежней русификаторской политики и, кроме того, воспринимали как нежелательный элемент ландшафта[3]. Десакрализация православных церквей нашла свое отражение уже в первых нормативных актах польской власти с конца 1918 г.[4] В целом, по мнению протоиерея А. Берташа, массовое уничтожение православных храмов в Польше было сопоставимо с тем, что происходило с православными святынями в СССР[5].

Одной из главных задач возрожденного польского государства в отношении православия была ликвидация зависимости Православной церкви в Польше от Москвы. Под давлением правительства Собор епископов Православной церкви, собравшийся в Варшаве в 1922 г., провозгласил автокефалию, которая была признана Константинопольским патриархом Григорием VII в 1924 г. в особом акте — *томосе* — и окончательно утверждена в 1925 г. Русская Православная церковь считала объявление автокефалии незаконным. В последующем польские чиновники будут утверждать, что Русская Православная церковь никогда не являлась для православия в Польше законной Церковью-Ма-

1. *Борисёнок Е.Ю.* Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М.: Алгоритм, 2018. С. 68.
2. Borecki, P. (2005) “Prześladowania religijne prawosławnych w II RP” [http://www.racjonalista.pl/kk.php/s,4321, доступ от 5.03.2018].
3. Zubowski, P. (2017) “Władze wojskowe, cywilne i kościelne a problem cerkwi prawosławnych w II Rzeczypospolitej — studium na przykładzie świątyń Suwałk, Łomży i Augustowa”, *Dzieje Najnowsze*. R. 49 z. 4. S. 137.
4. Ibid., S. 159.
5. *Берташ А.* Православная Церковь в Польше и русская эмиграция до Второй мировой войны. Общий обзор и судьбы русских храмов. 16.02.2016 [http://www.bogoslov.ru/text/4861337.html, доступ от 15.02.2018].

терью[6]. Согласно официальной трактовке, первое отторжение Киевской митрополии и митрополий Литвы и Польши, зависимых от Константинопольского патриархата, и присоединение их к Московскому патриархату произошло без учета канонических предписаний и традиций Православной церкви. Однако главным аргументом в пользу легальности автокефалии Православной церкви в Польше назывался «основной канонический принцип», согласно которому «порядок церковных дел должен идти вслед за политическими формами, а также основываться на воле населения»[7].

Польские власти изначально стремились поставить под свой контроль церковный аппарат. Митрополит Варшавский и всея Польши Дионисий жаловался, что правительство относится к нему как к чиновнику Министерства вероисповеданий[8]. На протяжении всего межвоенного периода государство стремилось ограничить имущественное положение и территориальное влияние Православной церкви, ослабить ее позиции как духовной опоры непольского населения[9]. Кроме того, в своих планах правительство намеревалось превратить Православную церковь в инструмент полонизации православных верующих. Одновременно с этим власти старались не только восстановить прежние позиции Римско-католической церкви, но и расширить их[10].

По сравнению с довоенным временем количество православных приходов к концу 1930-х гг. было сокращено наполовину[11]. Земельные владения Православной церкви уменьшились

6. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (далее — AAN). Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie (2/14/0). Jedn. 385. K. 148 [http://searcharchives.pl/2/14/0/5/414/str/1/5/15#tabSkany, доступ от 15.01.2018].
7. Ibid.
8. Rataj, M. (1965) *Pamiętniki*. Warszawa, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, S. 267.
9. *Крамар Ю.В.* Національно-культурна та релігійна політика урядів Польщі на Волині (1921–1939 рр.): автореф. дис ... д-ра іст. наук. Львів, 2015. С. 23; *Миронович А.* Ревиндикация православных церквей во II Речи Посполитой. 23.01.2018 [https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1799-revindikatsiya-pravoslavnykh-tserkvej-vo-ii-rechi-pospolitoj.html доступ от 08.07.2018]; *Стоколос Н.Г.* Політика урядів міжвоєнної Польщі (1918–1939 рр.) щодо православної церкви й українців // Український історичний журнал. 2005. № 5. С. 64; Papierzyńska-Turek, M. (1976) "Kościół prawosławny w Polsce w latach 1918–1927 — sytuacja prawna i konflikty wewnętrzne", *Dzieje Najnowsze*. R. 8 z. 3. S. 17, 24, 31.
10. Papierzyńska-Turek, M. Kościół prawosławny w Polsce w latach 1918–1927 — sytuacja prawna i konflikty wewnętrzne". S. 15.
11. *Стоколос Н.Г.* Політика урядів міжвоєнної Польщі (1918–1939 рр.) щодо православної церкви й українців. С. 64.

с 146 тыс. га в 1918 г. до 85 тыс. га в 1933 г.[12] Польский епископат в 1929 г. развернул кампанию массовых судебных исков к Православной церкви по возвращению (ревиндикации) церковного имущества, прежде принадлежавшего католикам, претендуя по сути на одну треть всего имущества Православной церкви. Причем многие иски касались тех местностей, где не было католиков[13]. Польские епископы добивались передачи всех православных монастырей, включая Почаевскую Лавру. Следует заметить, что греко-католический (униатский) митрополит А. Шептицкий заявил об отказе участвовать в ревиндикации.

Серьезным раздражителем для польских властей являлось доминирование русских среди православного духовенства и их монопольное положение в церковной иерархии, особенно характерное для первого десятилетия существования независимой Польши[14]. Русское духовенство, воспитанное на традициях «единой и неделимой России», надеялось на восстановление царской империи в прежних границах. Журнал «Воскресное чтение» (официальный орган Варшавской митрополии) предписывал верующим молиться «за великую, гордую и святую Россию»[15]. «Православная Церковь, — утверждалось в издании, — это Русская Церковь и именно в ней полнее всего выражается православная идея»[16]. Православный клир старался сохранить в Церкви «истинно русский дух».

Такие установки способствовали тому, что уже в 1920-е гг. польские власти старались изгнать неугодных епископов из епархий, использовать свое право утверждать назначение или смещать с церковной должности тех или иных лиц. Действенным способом давления на Церковь и ее служителей была юридическая процедура получения польского гражданства священниками[17].

12. *Миронович А.* Ревиндикация православных церквей во II Речи Посполитой.
13. Там же.
14. *Крамар Ю.В.* Національно-культурна та релігійна політика урядів Польщі на Волині (1921–1939 рр.). С. 22; Papierzyńska-Turek, M. (1976) Kościół prawosławny w Polsce w latach 1918–1927 — sytuacja prawna i konflikty wewnętrzne. S. 16; Wynot, E.D. (2015) *The Polish Orthodox Church in the Twentieth Century and Beyond: Prisoner of History*, p. 25. London, Lexington Books.
15. Papierzyńska-Turek, M. Kościół prawosławny w Polsce w latach 1918–1927 — sytuacja prawna i konflikty wewnętrzne. S. 16.
16. Ibid.
17. *Крамар Ю.В.* Національно-культурна та релігійна політика урядів Польщі на Волині (1921–1939 рр.). С. 22.

Правительство стремилось создать как можно более тяжелые материальные условия для жизни православного духовенства. Средства из бюджета на содержание церковнослужителей поступали не напрямую, а через департамент вероисповеданий Министерства вероисповеданий и образования, который распоряжался этими фондами по собственному усмотрению[18]. Даже небольшие суммы, предназначавшиеся для выплаты окладов высшим представителям Церкви, почти никогда не доходили вовремя. Приходское духовенство вовсе получало или очень мало, или вообще ничего. При этом выплачивались не оклады, а пособия, размеры которых не были четко определены. Суммы и списки лиц, которые должны были их получить, устанавливались властями, что делало духовенство весьма зависимым от государственной администрации и создавало широкие возможности для своеволия, давления и злоупотреблений со стороны чиновников[19].

Во второй половине 1930-х гг. государственная политика Польши в отношении православия ужесточилась. Был взят курс на форсированную полонизацию Православной церкви. Значительное влияние на формирование этноконфессиональной политики польского государства в тот период стали оказывать военные. Под предлогом роста внешних угроз польские военные настаивали на необходимости «усиления польскости» в восточных регионах страны. Выступая 2 июля 1936 г. на собрании высшего командного состава армии, военный министр Т. Каспшицкий заявил: «Польское государство, а следовательно, и армия, должны стремиться к подчинению верующих отдельных конфессий ассимиляционному влиянию польской культуры … и там, где это возможно, как, например, в отношении славянских меньшинств, процесс полонизации церковно-религиозной жизни следует окружить как можно большим вниманием»[20]. Военные полагали, что в случае нападения на Польшу единственной реальной опорой государственной власти в восточных землях страны будет именно польское население. Следовательно, требовалось изме-

18. Papierzyńska-Turek, M. Kościół prawosławny w Polsce w latach 1918–1927 — sytuacja prawna i konflikty wewnętrzne. S. 24.

19. Ibid., S. 25.

20. *Крамар Ю.* Українсько-польські міжконфесійні стосунки на Волині напередодні Другої світової війни //У пошуках правди: Збірник матеріалів міжнародної наукової конференції «Українсько-польський конфлікт на Волині в роки Другої світової війни: генезис, характер, перебіг і наслідки», Луцьк, 20–23 травня 2003 р. Луцьк: РВВ «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки. 2003. С. 70.

нить национальную структуру населения в этом регионе в сторону усиления польского элемента[21].

Изменения государственного курса привели к новой волне разрушения православных храмов. Как уже отмечалось, это имело место в Люблинском воеводстве в 1937–1938 гг. Собор Русской Православной церкви за границей, проходивший в августе 1938 г. в Сремских Карловцах (Югославия), выразил протест и возмущение в связи с преследованием православных в Польше. За православных верующих заступился и униатский митрополит А. Шептицкий. Римско-католический епископат не выразил официального протеста по поводу уничтожения церквей. Однако католическая пресса опровергала какое-либо участие польского епископата в этих событиях.

В Волынском воеводстве военные принимали активное участие в принуждении православного населения переходить в римо-католицизм. Они собирались обратить в католичество почти 1 миллион человек на востоке страны[22]. Украинские историки справедливо отмечают, что подобная деятельность являлась нарушением права на свободу совести, гражданских прав, издевательством над человеческим достоинством[23]. Так, польские власти на Волыни издавали распоряжения увольнять православных и не принимать их на работу до тех пор, пока они не перейдут в римско-католическую веру. Некоторых местных чиновников польские военные заверяли в том, что если они примут католичество, то получат повышение зарплаты и пенсии. В противном же случае они могут лишиться своей должности[24]. Крестьянам за смену вероисповедания обещали дополнительный надел земли, освобождение от налогов, ликвидацию долгов. Православных вынуждали также переходить в католицизм под угрозой проведения в селе армейской карательной операции и выселения всех

21. *Кучерепа М.* Українська проблема в політиці Другої Речі Посполитої і в концепціях та діях українських політичних сил у міжвоєнний період // Україна — Польща: важкі питання. Матеріали XI Міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни». Варшава, 26–28 квітня 2005 року. Варшава, 2006. Т. 10. С. 185–186.

22. *Стоколос Н.Г.* Політика урядів міжвоєнної Польщі (1918–1939 рр.) щодо православної церкви й українців. С. 72–74.

23. *Гудь Б.* Політика «ревіндикації» на Холмщині і Волині 1937–1938 рр. та її наслідки для українсько-польських стосунків // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів: Ін-т українознавства НАНУ, 2012. Вип. 21. С. 259–260; *Стоколос Н.Г.* Політика урядів міжвоєнної Польщі ... С. 75.

24. *Крамар Ю.* Українсько-польські міжконфесійні стосунки ... С. 71.

лиц, подозреваемых в нелояльности к польскому государству[25]. Напуганные люди признавали себя потомками «русинизированных поляков» и переходили в католичество[26]. Причем смена вероисповедания в тех условиях была равнозначна смене национальности[27]. «Мы, нижеподписавшиеся … “денационализированные” царско-русской властью поляки, — говорилось в итоговом акте заседания жителей одного из сел Волынского воеводства, — возвращаемся в римско-католическую веру и подтверждаем свою польскую этническую принадлежность и на том основании, что наши предки были поляками, мы тоже хотим ими быть»[28]. Польские власти заставляли отказываться от православия и становиться католиками особенно тех селян, у кого фамилии заканчивались на «-с(ц)кий» или «-вич»[29]. По оценке украинской исследовательницы Н.Г. Стоколос, в течение 20 лет православное население восточных регионов Польши находилось практически в своеобразной «вероисповедной осаде»[30].

Польские власти осуществляли также деятельность по коренному переустройству Православной церкви в направлении придания ей польского национального характера. Так, в ноябре 1938 г. был принят декрет президента республики «Об отношении государства к Польской Автокефальной Православной Церкви», окончательно оформивший правовой статус православия. По мнению польского историка П. Борецкого, этот декрет был самым строгим из всех принятых ранее постановлений об отношении государства к церквям и религиозным объединениям[31]. Государственные власти получили максимальный контроль за назначением священников на церковные должности, имели возможность отстранить от должности любое неугодное лицо. Даже посещение епископом

25. *Бортник Л.В.* Участь Корпусу охорони прикордоння в акції «ревіндикації» другої половини 1930-х рр. на Волині у контексті суспільно-політичної та національної політики Другої Речі Посполитої //Гуржіївські історичні читання. 2014–2015. Випуск 8–9. С. 145; *Крамар Ю.* Українсько-польські міжконфесійні стосунки … С. 72.

26. *Гудь Б.* Політика «ревіндикації» на Холмщині і Волині … С. 260.

27. Там же. С. 259.

28. *Бортник Л.В.* Участь Корпусу охорони прикордоння в акції «ревіндикації» другої половини 1930-х рр. на Волині у контексті суспільно-політичної та національної політики Другої Речі Посполитої. С. 144.

29. Там же. С. 145.

30. *Стоколос Н.Г.* Політика урядів міжвоєнної Польщі (1918–1939 рр.) щодо православної церкви й українців. С. 74.

31. Borecki, P. (2005) “Prześladowania religijne prawosławnych w II RP”.

прихода требовало предварительного уведомления соответствующего воеводы.

Важную роль в подготовке данного декрета сыграл волынский воевода Хенрик Юзевский, считавший его самым значимым достижением своей деятельности на государственной службе[32]. Польский политик в своих воспоминаниях подробно описал историю возникновения этого документа. Когда Юзевский был главой МВД, еще в 1930 г., к нему обратился министр вероисповеданий и образования Л. Червинский за советом, как следует поступить его министерству в связи с заявлением митрополита Варшавского Дионисия о созыве Собора Православной церкви[33]. Юзевский заявил, что в данном случае речь может идти только о наказании митрополита за самовольный и нелояльный в отношении государства поступок, не отвечающий традициям православия[34].

Вскоре после этого разговора Х. Юзевский на встрече с диктатором Польши Юзефом Пилсудским отметил, что в настоящее время сложились условия для окончательного урегулирования вопроса о статусе Православной церкви в Польше.

> Мы имели дело с Красной Москвой, — вспоминал Юзевский. — Православная церковь была до основания разбита и втоптана в землю. В России ... господствовала оргия открытого, поддерживаемого властями, безбожия. Когда я закончил, воцарилась тишина. Комендант (Пилсудский. — *М.Б.*) впал в транс размышления. Наконец, он заговорил. Сказал, что то, о чем я говорю, является вопросом большой важности и выразил сомнение, осознаю ли я огромность и трудность осуществления этого дела. В конце [Пилсудский] отметил, что его силы ограничены, он начал ряд важных для Польши дел и ему не хватит энергии, чтобы заняться православием. Я ответил, что если комендант не займется православием, то это сделаю я. Комендант посмотрел на меня внимательно и ничего не ответил. Я решил начать акцию[35].

Свою «миссию» Юзевский видел в том, чтобы оторвать Православную церковь в Польше от России, оградить польское госу-

32. Józewski, H. (1982) “Zamiast pamiętnika”, *Zeszyty Historyczne*, Nr 59. S. 65. Paryż: Instytut Literacki.

33. Ibid., S. 63.

34. Ibid., S. 64.

35. Ibidem.

дарство от вмешательства Москвы посредством Церкви в его внутренние дела[36]. По словам политика, после принятия в 1938 г. вышеупомянутого декрета «Польская Православная церковь стала фактом в соответствии с канонами, традицией и духом православия»[37].

Митрополит и епископы были обязаны приносить присягу верности польскому государству. Ее текст отражал политические замыслы властей и содержал следующие положения:

> Присягаю, что как верный и послушный сын Польской Республики, с полной лояльностью буду уважать Ее Власти, установленные Конституцией. Обещаю и клянусь всегда иметь в виду благо и пользу Польского Государства, не делать ничего против интересов Польского Государства, не принимать участия ни в каких начинаниях и совещаниях, которые бы могли принести вред Польскому Государству или общественному порядку, не позволять, чтобы подчиненное мне духовенство принимало участие в таких начинаниях и совещаниях. Если бы я узнал о таких начинаниях и совещаниях, то не пожалею сил, чтобы им помешать и вообще сделать их невозможными. Обещаю и присягаю, что сделаю, чтобы подчиненное мне духовенство уважало Власти Республики и в своей деятельности руководствовалось благом Польского Государства. Обещаю также, что доверенных моему попечению верующих буду учить послушанию польской власти, воспитывая их хорошими христианами и истинными гражданами Польского Государства...[38].

В письме под грифом «совершенно секретно» от 21 декабря 1938 г., направленном руководителям северо-восточных воеводств Польши, глава Министерства вероисповеданий и образования подчеркивал необходимость формирования лояльного отношения православного духовенства к польскому государству[39]. Соглас-

36. Ibid., S. 63; Józewski, H. (1982) “Zamiast pamiętnika”, *Zeszyty Historyczne*, Nr 60. S. 66–67. Paryż: Instytut Literacki.

37. Józewski, H. (1982) “Zamiast pamiętnika”, *Zeszyty Historyczne*, Nr 60. S. 72. Paryż: Instytut Literacki.

38. Dekret Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 18 listopada 1938 r. o stosunku Państwa do Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego. Dziennik Ustaw. 1938. Nr 88. Poz. 597 i 598. S. 1326. [http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19380880597/O/D19380597.pdf, доступ от 23.01.2018].

39. AAN. Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie (2/14/0). Jedn. 385. K. 141 [https://searcharchives.pl/2/14/0/5/385#tabSkany, доступ от 15.01.2018].

но установкам министерства, деятельность Православной церкви должна совпадать с интересами Польши, для которой было важно «укрепление иммунитета перед лицом угроз, исходящих от Советской России». В этом контексте главной задачей называлось противодействие коммунизму. Для ее решения требовалось укреплять «элементы», способные усиливать сопротивляемость общества коммунистическому влиянию[40].

Министр отмечал, что воеводским властям следовало проводить политику государственной и польской национальной ассимиляции православного населения, осуществлять компанию по дерусификации духовенства путем «ограждения» молодого поколения священников, а также нерусской православной паствы от русского влияния[41]. Он призвал местные власти обращать внимание на то, чтобы эта кампания не обратилась в пользу белорусского и украинского движений. Подчеркивалось, что следует «беспощадно» бороться с любой белорусской националистической агитацией и сдерживать экспансию украинского национализма.

Специально оговаривалась ситуация на Волыни. Как известно, воевода Х. Юзевский проводил в этом регионе политику дерусификации Православной церкви путем ее украинизации и достиг в этом направлении значительных результатов. Поэтому с учетом обстановки в регионе министр отмечал, что, хотя и необходимо учитывать справедливые требования украинцев на Волыни в сфере использования украинского языка в проповедях, на уроках Закона Божия в школах, тем не менее это не должно происходить за счет польских национальных интересов и сдерживать экспансию польской культуры на этой территории.

В других северо-восточных воеводствах следовало стремиться к устранению русского языка из уроков Закона Божия в школах. В районах, где не было пока возможности ввести польский язык, на какое-то время допускалось использование местного диалекта. Подчеркивалась необходимость устранения русского языка из проповедей и желательность возвращения православной литургии к «чистой старославянской форме», что облегчило бы со временем введение в литургию «живого польского языка»[42].

Как уже отмечалось, в рассматриваемый период на востоке Польши имели место случаи насильственного обращения право-

40. Ibid., K. 142.

41. Ibid., K. 142–143.

42. Ibid., K. 143–144.

славного населения в католицизм. В этой связи министр отмечал, что «переход» определенного количества православных в римокатоличество обоснован давней конфессиональной принадлежностью этого населения. Однако местным властям не рекомендовалось открыто выступать главными инициаторами и тем более руководителями данной акции. В противном случае была бы затруднена деятельность государства по реформированию православия изнутри и его полонизация[43].

В комментариях, приложенных к письму министра, говорилось о необходимости противодействовать контактам православных верующих Польши и СССР. Указывалось на существование взаимозависимости между деятельностью «агентов нынешнего московского иерарха» и инструкциями Коминтерна. Коммунисты, отмечалось в документе, несмотря на то, что Церковь в СССР подвергается преследованию, в своей диверсионно-пропагандистской деятельности с некоторого времени стали обращать внимание на конфессиональные отношения в отдельных странах. Принимая облик защитников якобы обиженного политикой данного государства вероисповедания, они стараются создать напряженную атмосферу, склонить заинтересованное население к борьбе за «эти мнимые конфессиональные интересы», спровоцировать на местах различные «раздражения», чтобы затем их использовать в своих подрывных целях[44].

В отношении кадровых назначений рекомендовалось, чтобы на епископские должности в Варшавской, Гродненской, Виленской и Полесской епархиях принимались в расчет только те лица, которые были тесно связаны с польской культурой. В случае Волыни допускалось, что один епископ мог быть украинской национальности, однако назначение кандидата на соответствующую должность могло произойти лишь при условии, что его лояльность польскому государству обусловлена не «временным оппортунизмом», а внутренним убеждением о той миссии, которую Польша может сыграть на востоке Европы. Поэтому «украинский активизм» кандидата должен быть направлен за пределы страны[45].

Местным властям рекомендовалось также заботиться об увеличении количества католических приходов, строительстве но-

43. Ibid., K. 145.

44. Ibid., K. 149.

45. Ibid., K. 151.

вых святынь, проведении «ревиндикации» (возвращение в римо-католицизм) «украденных» православием «латинских душ», расширении миссионерской активности католического духовенства на территориях, где есть перспектива польской национальной ассимиляции местного населения[46].

Для министерства было важно поддерживать обратную связь по всем этим вопросам с региональными властями. Поэтому глава министерства в указанном выше письме просил поручить начальникам общественно-политических отделов северо-восточных воеводств подготовить отчеты на тему «общей политико-конфессиональной ситуации» в своих воеводствах и принять участие в конференции, которая пройдет в министерстве для обсуждения этих вопросов. В Архиве новых актов в Варшаве сохранились копии отчетов региональных чиновников, а также протокол конференции, прошедшей 14 февраля 1939 г. с участием представителей центральных ведомств (включая МВД, Министерство военных дел) и администраций северо-восточных воеводств. Изучению этих документов в историографии пока не уделялось специального внимания, поэтому представляется целесообразным остановиться на их содержании подробнее.

Так, чиновник из Вильно докладывал, что «вредные личности» из числа православного духовенства либо полностью освобождены от занимаемых должностей, либо понижены в должности с оговоркой, что в случае продолжения своей вредной деятельности они будут отстранены от работы в церковных структурах[47].

Противодействуя «белорутенизации» и русификации Православной церкви, власти побудили архиепископа Виленского и Лидского издать распоряжение о проведении уроков Закона Божия в школах на польском языке. В рамках политики полонизации православным детям раздавались учебники о православной религии и церковные календари, написанные по-польски. В целях борьбы с движением, не признающим Польскую Автокефальную Православную церковь, власти ликвидировали «так называемую Патриаршую церковь» в Вильно, объединявшую верующих во главе с бывшим сенатором В.В. Богдановичем. Последний был освобожден также от должности профессора Русской гимназии,

46. Ibid., K. 160.

47. Ibid., K. 166.

что сделало невозможным его «деструктивную деятельность» среди православной молодежи в Вильно[48].

Представитель администрации Новогрудского воеводства жаловался на то, что большинство православного духовенства «пропитано» русским духом и русской культурой, слабо владеет польским языком и четко настроено на «будущую национальную Россию». Тем не менее, под давлением администрации 70% священников стали преподавать Закон Божий по-польски. Однако проводимые уроки вызывали у чиновников серьезные замечания в отношении «чистоты» используемого священниками польского языка. Отмечалось также, что некоторые молодые священники ведут уроки Закона Божия на русском и белорусском языках. Администрацию беспокоило, что среди молодого поколения православных пастырей есть большое количество представителей белорусского национального движения и «москвофилов», которые в своих приходах ведут деструктивную деятельность[49].

Новогрудский чиновник указывал и на то, что православное духовенство старшего поколения недружелюбно относится к священникам, действовавшим «в государственном духе». Этому открыто способствовали церковные власти, поддерживавшие пастырей русской национальности. Чиновник выражал надежду, что декрет об отношении государства к Польской Автокефальной Православной церкви изменит ситуацию «к лучшему», поскольку дает возможность противодействовать усилиям духовенства, направленным на создание из Православной церкви базы для «русской ирредены»[50].

«Оптимизм» в отношении перспективы православия в своем регионе высказал представитель администрации Полесского воеводства. По его словам, православное население, доминировавшее только численно (78% от общего количества жителей), лишено глубоких «морально-идейных ценностей» и будет все больше полонизироваться благодаря активной деятельности в этом направлении государственной администрации[51]. Православное население Полесья, отмечалось далее, с национально-политической точки зрения является «неискушенным» элементом и вообще по-

48. Ibid., K. 166–167.
49. Ibid., K. 174.
50. Ibid., K. 175.
51. Ibid., K. 177.

датливо польской государственной ассимиляции[52]. Власти воеводства систематически занимаются удалением из Полесской епархии «нежелательных» священников[53]. Влияние Православной церкви в регионе, заключал чиновник, практически полностью является влиянием государственной администрации[54].

Представитель Белостокского воеводства отметил сложную конфессиональную ситуацию в своем регионе. Главными инструментами русификаторского влияния в лоне православия он назвал Русское благотворительное общество в Гродно, Русское общество молодежи, а также православные братства в Гродно и Волковыске. Эти организации действовали нелегально при «тихой» поддержке местной православной консистории. Для противодействия им в Белостоке было создано Объединение православных поляков (308 человек), субсидируемое правительством. Аналогичное общество возникло и в Гродно. Благодаря поддержке военных эта организация развернула широкую деятельность, создала Православный научно-издательский институт, призванный усилить полонизационную кампанию в регионе[55].

О своих «достижениях» отчиталась и администрация Люблинского воеводства. Ее представитель отметил, что в своих полонизационных планах региональные власти стремятся отодвинуть границу «польскости» к реке Буг, будут содействовать Римско-Католической церкви в деле ревиндикации «душ» и связанной с этим постепенной полонизации «русинского» населения. С этой целью был ликвидирован ряд православных церковных центров, разобраны «излишние» храмы. В результате территорию воеводства покинуло несколько десятков православных священников[56].

Люблинский чиновник пожаловался на Римско-Католическую церковь, не проявлявшую усилий в полонизационной кампании и взаимодействии с властями[57]. Напротив, своим традиционно недружелюбным отношением к православному населению, высокой оплатой церковных услуг католические священники отталкивают православную паству от католицизма. Указывалось, что несмотря на благоприятные условия в первые годы после мировой войны,

52. Ibid., K. 181.
53. Ibid., K. 180.
54. Ibid., K. 181.
55. Ibid., K. 189.
56. Ibid., K. 205.
57. Ibid., K. 206.

когда православные верующие были дезориентированы эвакуацией духовенства, передачей ряда православных святынь Римско-Католической церкви, последняя не использовала ситуацию для усиления своего влияния. В результате, несмотря на то, что население было лишено своих святынь, оно продолжало сохранять верность православию, а с 1928 г. стало приглашать священников, проводивших богослужения в частных домах. Во многих местах, констатировал чиновник, где церкви были обращены в католические храмы, православные верующие постоянно просят вернуть эти святыни, что свидетельствует о «ничтожном» ревиндикационном влиянии католицизма на этих территориях.

В период ликвидации православных храмов администрация воеводства стремилась побудить Римско-Католическую церковь к проведению миссионерской деятельности в этнически смешанных районах. Однако, когда в августе 1938 г. администрация попросила сообщить, в каких районах планируется создание католических приходов, чтобы обратиться в министерство за кредитом на их дотацию, то никакого ответа не последовало[58].

Тот же люблинский чиновник жаловался и на то, что полонизировать православие мешает деятельность униатских священников. Используя исключительно русинский язык, они привлекают к себе местное население, больше привязанное в церкви к своему родному языку, чем к догматам и поэтому бойкотирующее использование польского языка в богослужениях и проповедях[59].

Отмечалось также, что в связи с кризисом вокруг Чехословакии в 1938 г. украинские деятели ожидали начала войны и постановки вопроса о создании украинского государства.

«С этого времени, — писал чиновник, — мы снова стали наблюдать сопротивление священников и населения в отношении использования польского языка в церкви. Все большее число священников вообще не произносит проповеди, чтобы не говорить по-польски, а население выражает недовольство использованием польского языка во время проповедей»[60].

«Пользу» от ликвидации православных церквей чиновник видел в том, что таким образом сокращается количество центров «нежелательной политической акции»[61]. Церковный при-

58. Ibid.

59. Ibid., K. 207.

60. Ibidem.

61. Ibid., K. 208.

ход в провинции является единственным местом, где есть возможность легального собрания большой массы людей, облегчая тем самым возможность установления контактов и проведение агитации. По его словам, важность приходов для общественной жизни отмечают известные деятели из числа православных, которые организовывают делегации в администрацию с просьбами создать православные приходы. Власти отказывают в их удовлетворении, продолжают поддерживать использование польского языка в церкви и на уроках Закона Божия в школах.

Отмечалось, что польским языком пользуется прежде всего молодое поколение православного сообщества, которое уже не знает русского, а местным языком считает украинский[62]. Следовательно, заключал чиновник, если не пропагандировать польский язык, то будет укрепляться местный диалект, способный при помощи украинских агитаторов из Львова развиться в украинский национальный язык, объединяющий «русинские массы», несмотря на различные вероисповедания, в единое национальное целое[63].

Особого внимания заслуживают свидетельства представителя администрации Волынского воеводства. Как уже отмечалось, долгое время этот регион возглавлял Х. Юзевский, проводивший политику украинизации Православной Церкви. Весной 1938 г. он подал в отставку с поста воеводы из-за несогласия с новым курсом государственной политики в регионе. По его воспоминаниям, после смерти Ю. Пилсудского в 1935 г. бросалась в глаза растущая агрессивность высших военных кругов страны[64]. Захват православных церквей, обращение населения Волыни в католичество вызывали негодование православных украинцев, разжигали неприязнь и ненависть к Польше, выставляли ее «к позорному столбу международного общественного мнения»[65].

Новая администрация воеводства во главе с А. Гауке-Новаком придерживалась мнения, что в Православной церкви на Волыни утвердился украинский национализм, православная консистория в Кременце стала «рассадником и очагом украинской сепаратистской мысли», многие ее сотрудники демонстрируют «украинский

62. Ibidem.

63. Ibid., K. 209.

64. Józewski, H. (1982) “Zamiast pamiętnika”, *Zeszyty Historyczne*, Nr 60. S. 86. Paryż: Instytut Literacki.

65. Ibid., S. 87.

шовинизм» и враждебное отношение к польскому государству[66]. «Рассадником» украинского национализма считалась также Православная духовная семинария в Кременце.

Поэтому, как утверждал волынский чиновник, региональные власти стремятся воспрепятствовать дальнейшей украинизации Православной церкви и создать условия для более терпимого отношения к польскому языку в православных богослужениях[67]. В целом подчеркивалась необходимость ускорения полонизации воеводства. Для этого предлагалось увеличить количество римско-католических священников, начать полномасштабное строительство храмов и часовен, создать новые римско-католические приходы, возвращать «русифицированных» поляков в римо-католицизм, проводить ревиндикацию бывших католических храмов, переделанных в православные[68].

Чиновник отмечал доброжелательное отношение волынских властей к мероприятиям польских общественных организаций (Общество развития восточных земель, Союз загродовой шляхты) по ревиндикации «душ», потерянных в годы разделов I Речи Посполитой в пользу русского православия. Все эти усилия должны были теснее связать восточные земли с польским государством[69].

Важной задачей администрации он называл превращение Православной церкви на Волыни в «действительно польскую»[70]. Для этого предполагалось заменить секретаря Духовной консистории, представителя украинского национального движения И. Власовского (протеже прежнего воеводы[71]) на поляка православного вероисповедания. Администрация планировала добиваться ликвидации православной семинарии в Кременце, последовательно стремиться к полонизации Православной церкви[72]. По мнению

66. AAN. Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie (2/14/0). Jedn. 385. K. 197 [https://searcharchives.pl/2/14/0/5/385#tabSkany, доступ от 15.01.2018].

67. Ibid., K. 198.

68. Ibid., K. 201.

69. Ibid.

70. Ibid., K. 202.

71. *Борисенок Е.Ю.* Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2015. С. 358.

72. AAN. Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie (2/14/0). Jedn. 385. K. 202 [https://searcharchives.pl/2/14/0/5/385#tabSkany, доступ от 15.01.2018].

чиновника, на место чисто формального исполнения постановлений о служебном языке и молитвах о процветании Польши должно прийти глубокое понимание представителями православной иерархии фундаментальных принципов декрета 1938 г.[73]

В этой связи волынский чиновник обращал внимание на то, что до сих пор в дни государственных праздников богослужения о процветании Польши проводились формально и заметно отличались от богослужений, связанных с украинскими памятными датами или праздниками. По случаю государственных праздников церковные власти не проявляли особых стараний в оповещении населения о предстоящих богослужениях, не стремились побудить верующих принять в них участие. В результате службы проходили без широкого участия прихожан. Пастырские послания митрополита, издававшиеся на польском языке, переводились и читались только по-украински. Молитвам не хватало глубокого содержания и знаков преданности Польше. Когда же речь шла об украинских памятных датах и праздниках, богослужения готовились «со всем пиететом», население широко оповещалось о предстоящем мероприятии. Сами службы сопровождались проповедями, а иногда и сбором средств на неопределенные и скорее всего нежелательные, по мнению чиновника, цели[74].

В волынской администрации планировали также добиваться ревизии молитвословов, использовавшихся в Православной церкви. Большинство духовенства, по оценке чиновника, пользовалось молитвословами, изданными в Москве и Киеве, содержавшими молитвы за царя, такие обороты, как «всея России чудотворцы». Такие молитвословы предлагалось удалить из церквей и монастырей[75].

Поднимался вопрос о необходимости унификации церковного календаря. По мнению чиновника, юлианский календарь наряду с языком и алфавитом сильнее всего подчеркивал обособленность православного населения от польского. Пока же эта унификация не произошла, предлагалось подвергнуть ревизии действовавший православный календарь и удалить из него русских святых покровителей, а также некоторые праздники, например, день Казанской иконы Божией Матери, «победительницы ляхов»[76].

73. Ibid., K. 203.
74. Ibid.
75. Ibid.
76. Ibid.

Важным направлением своей работы администрация считала активную, хотя и тайную, поддержку Союзов православных поляков, которые планировалось создавать в волынских городах. Давление со стороны самого православного сообщества на Церковь в целях изменения господствовавших в ней отношений называлось не менее важным, чем бдительность и позиция региональных властей[77].

Подводя итог работе конференции, прошедшей 14 февраля 1939 г., руководитель департамента вероисповеданий Министерства вероисповеданий и образования подчеркнул, что главной задачей властей является полная государственная ассимиляция православного населения и усиление экспансии польской культуры на востоке страны[78]. Следует интегрировать православных в Польшу, а не в Украину или Россию, указывал чиновник. Наиболее «податливым» в этом отношении он считал население Гродненского, Белостокского, Полесского и Новогрудского воеводств (см. рисунок 1. «Польская Республика 1923–1939. Конфессии»[79]). Важную роль в деле полонизации должно было сыграть использование польского языка на уроках Закона Божия в школах, богослужениях и проповедях. Министерство планировало издание на польском языке Евангелия, православных молитвословов, песенников и календарей. Была организована работа по написанию школьных учебников, посвященных православной религии.

Чиновник указывал на необходимость устранения русского языка из богослужений и проповедей. Если не было возможности произносить проповеди по-польски (из-за незнания населением польского языка), то рекомендовалось использовать местный диалект. Когда речь шла о «так называемом белорусском диалекте», то следовало использовать наречие, близкое к польскому, а не русскому языку. Следовало стремиться к возвращению к «чистой старославянской форме» проведения литургии[80].

77. Ibid.

78. Ibid., K. 216.

79. Карта взята с сайта «Włącz Polskę». Легенда карты переведена на русский язык автором. Материал используется согласно лицензии Creative Commons (CC BY-SA) [http://wlaczpolske.pl/index.php?etap=10&i=1243, доступ от 05.08.2019].

80. AAN. Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie (2/14/0). Jedn. 385. K. 202 [https://searcharchives.pl/2/14/0/5/385#tabSkany, доступ от 15.01.2018].

Рисунок 1. Польская Республика 1923–1939. Конфессии

По поводу ситуации на Волыни руководитель департамента признавал, что у значительной части православного населения в этом воеводстве сложилось сильное украинское самосознание и поэтому трудно рассчитывать на формирование у этого населения польской идентичности[81]. Однако чиновник считал полезным «аккуратно и постепенно» вводить в литургию старославянский язык.

Особое внимание в министерстве уделялось трем северным поветам (уездам) Волыни: Сарненскому, Ковельскому и Любомльскому. По мнению чиновника, они дают возможность ограничить украинскую экспансию в северо-восточные районы страны. В связи с этим ставилась задача быстро ликвидировать в данных поветах «излишки украинизма» и способствовать их полонизации[82].

81. Ibid., K. 217.
82. Ibid.

Руководитель департамента прокомментировал и такой острый вопрос, как ревиндикацию «польских душ» на Волыни. По его словам, эта деятельность основывалась на положении, что по причине далеко продвинувшейся украинизации православия «высекание» польского элемента из среды местного населения было возможно только путем его предварительного перевода в римо-католицизм[83]. Министерство считало обоснованным такой подход и высказывало возражения лишь по поводу способа проведения ревиндикации. Подчеркивалось, что государственная власть не должна выступать в качестве миссионера. Для этнически смешанного населения восточных земель это было бы равнозначно тому, что поляком может быть только католик. Это называлось чрезвычайно вредным, поскольку делало невозможным реформу православия изнутри. Ревиндикация, навязанная властями, давала слабые и чисто формальные результаты, поэтому предлагалось передать осуществление таких мероприятий церковным институциям и общественности[84]. Местные власти должны были обратить внимание на возможность создания типа «православного поляка», которого следовало окружить доброжелательной опекой государства[85].

Таким образом, проанализированные материалы наглядно иллюстрируют практическую деятельность польских властей по усилению государственного контроля за Православной церковью и паствой в конце 1930-х гг. «Новый этап» государственной политики в отношении православия был продиктован опасениями польской правящей элиты перед лицом угроз, исходивших с востока. Польские политики были убеждены, что Советская Россия будет использовать конфессиональный фактор для ослабления и дестабилизации польского государства. Из документов видно, что важным стимулом для осуществления политики полонизации православия был также страх перед украинским и белорусским национальными движениями, представлявшими угрозу территориальной целостности Польши.

В целях устранения или нейтрализации этих угроз осуществлялись меры, призванные укрепить польское национальное и государственное начало в восточных регионах страны. Поскольку

83. Ibid., K. 219.

84. Ibid.

85. Ibid., K. 220.

жесткие формы ревиндикации способствовали росту антипольских настроений на востоке страны, вызывали негативную реакцию международного общественного мнения, то власти стремились использовать также более тонкие инструменты воздействия на православие, призванные обеспечить его полонизацию «изнутри». Ускорению интеграции православного населения в польское общество и государство должно было способствовать вытеснение русского языка из жизни Православной церкви и паствы, внедрение польского языка в православную богослужебную практику и образование, разрыв связей православного сообщества Польши с русским культурным пространством, строгий государственный контроль за подготовкой и деятельностью православных священников. Важная роль в деле укрепления «польского элемента» на востоке страны отводилась Римско-Католической церкви, которую власти подталкивали к активизации миссионерской деятельности. Политика полонизации православия была рассчитана на долгосрочную перспективу, но была прервана началом Второй мировой войны.

Библиография / References

Архивные материалы / Archival materials

Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN).

Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie (2/14/0). Jedn. 385 [https://searcharchives.pl/2/14/0/5/385#tabSkany, доступ от 15.01.2018].

Нормативно-правовые документы / Legal documents

Dekret Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 18 listopada 1938 r. o stosunku Państwa do Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego. Dziennik Ustaw. 1938. Nr 88. Poz. 597 i 598. [http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19380880597/O/D19380597.pdf, доступ от 23.01.2018].

Воспоминания / Memories

Józewski, H. (1982) "Zamiast pamiętnika", *Zeszyty Historyczne*, Nr 59: S. 3–163; Nr 60: S. 65-157. Paryż: Instytut Literacki.

Rataj, M. (1965) *Pamiętniki*. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.

Литература

Берташ А. Православная церковь в Польше и русская эмиграция до Второй мировой войны. Общий обзор и судьбы русских храмов. 16.02.2016 [http://www.bogoslov.ru/text/4861337.html, доступ от 15.02.2018].

Борисенок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2015.

Борисёнок Е.Ю. Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М.: Алгоритм, 2018.

Бортник Л.В. Участь Корпусу охорони прикордоння в акції «ревіндикації» другої половини 1930-х рр. на Волині у контексті суспільно-політичної та національної політики Другої Речі Посполитої // Гуржіївські історичні читання. 2014–2015. Випуск 8–9. С. 143–146.

Гудь Б. Політика «ревіндикації» на Холмщині і Волині 1937–1938 рр. та їїнаслідки для українсько-польських стосунків //Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів: Ін-т українознавства НАНУ, 2012. Вип. 21. С. 256–266.

Крамар Ю. Українсько-польські міжконфесійні стосунки на Волині напередодні Другої світової війни //У пошуках правди: Збірник матеріалів міжнародної наукової конференції «Українсько-польський конфлікт на Волині в роки Другої світової війни: генезис, характер, перебіг і наслідки», Луцьк, 20–23 травня 2003 р. Луцьк: РВВ «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки. 2003. С. 67–75.

Крамар Ю.В. Національно-культурна та релігійна політика урядів Польщі на Волині (1921–1939 рр.): автореф. дис ... д-ра іст. наук. Львів, 2015.

Кучерепа М. Українська проблема в політиці Другої Речі Посполитої і в концепціях та діях українських політичних сил у міжвоєнний період//Україна–Польща: важкі питання. Матеріали XI Міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни». Варшава, 26–28 квітня 2005 року. Варшава, 2006. Т. 10. С. 155–190.

Миронович А. Ревиндикация православных церквей во II Речи Посполитой. 23.01.2018 [https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1799-revindikatsiya-pravoslavnykh-tserkvej-vo-ii-rechi-pospolitoj.html, доступ от 08.07.2018].

Польша в XX веке: очерки политической истории. М.: Индрик, 2012.

Стоколос Н.Г. Політика урядів міжвоєнної Польщі (1918–1939 рр.) щодо православної церкви й українців //Український історичний журнал. 2005. № 5. С. 59–81.

Literature

Bertash, A. (2016) “Pravoslavnaia Tserkov’ v Polshe i russkaia emigratsyia do Vtoroi mirovoi voiny. Obshchii obzor i sud’by russkikh khramov” [The Orthodox Church in Poland and the Russian emigration before the Second World War. General overview and the fate of Russian churches] [http://www.bogoslov.ru/text/4861337.html, accessed on 15.02.2018].

Borecki, P. (2005) Prześladowania religijne prawosławnych w II RP [Religious persecution of Orthodox Christians in the Second Polish Republic] [http://www.racjonalista.pl/kk.php/s,4321, accessed on 5.03.2018].

Borisenok, E. (2015) «Konceptsii “ukrainizatsii” i ikh realizatsyia v natsional’noi politike v gosudarstvakh vostochnoevropeiskogo regiona (1918–1941 gg.)». Dissertatsyia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk. Moskva, 2015 [The concepts of «Ukrainization» and their implementation in national politics in the states of the Eastern European region (1918–1941)], Dissertation, Institut slavianovedeniia RAN, Moscow, Russia.

Borisenok, E. (2018) Nesovetskaya ukrainizatsiya: vlasti Pol’shi, Chekhoslovakii i Rumynii i “ukrainskiy vopros” v mezhvoennyy period [Non-Soviet Ukrainization: the authorities of Poland, Czechoslovakia and Romania and the “Ukrainian issue” in the interwar period]. Algoritm, Moscow, Russia.

Bortnik, L.V. (2014–2015) “Uchast’ Korpusu okhoroni prikordonnia v aktsii «revindikatsii» drugoi polovini 1930-kh rr. Na Volini u konteksti suspil’no-politichnoi ta natsional’noi politiki Drugoi Rechi Pospolitoi” [Participation of Border Protection Corps in Action of Orthodox Churches Recovery in the Second Half of the 1930s on Volyn Territory in Context of Public and National Policy of The Second Polish Republic] *Gurzhiivs’ki istorichni chitannia* 8–9: 143–146.

Gud’, B. (2012) “Politika «revindikatsii» na Kholmshchini i Volini 1937–1938 rr. Ta ii naslidki dla ukrains’ko-pol’s’kikh stosunkiv” [The policy of Orthodox Churches Recovery in Kholm region and Volynia in 1937–1938 and its consequences for Ukrainian-Polish relations], in *Ukraina: kul’turna spadshchina, natsional’na svidomist’, derzhavnist’,* pp. 256–266. vol. 21. L’viv: In-tu krainoznavstva NANU.

Kramar, Yu. (2003) “Ukrains’ko-pol’s’ki mizhkofesiini stosunki na Volini naperedodni Drugoi svitovoi viini” [Ukrainian-Polish interdenominational relations in Volynia on the eve of the Second World War], in *U poshukakh pravdi: Zbirnik materialiv mizhnarodnoi naukovoi konferentsii «Ukrains’ko-pol’s’kii konflikt na Volini v roki Drugoi svitovoi viini: genezis, kharakter, perebig i naslidki»*, *Luts’k, 20–23 travnia 2003 r.,* pp. 67–75. Lutsk: RVV «Vezha» Volin. derzh. un-tu im. Lesi Ukrainki.

Kramar, Yu.V. (2015) *Natsional’no-kul’turna ta religiina politika uriadiv Pol’shchi na Volini (1921–1939 rr.)* [National cultural and religious policy of the governments of Poland in Volynia (1921–1939)] Extended abstract of Dissertation, the Ivan Franko National University of Lviv.

Kucherepa, M. (2006) “Ukrains’ka problema v polititsi Drugoi Rechi Pospolitoi i v kontseptsiiakh ta diiakh ukrains’kikh politichnikh sil u mizhvoennii period” [The Ukrainian Problem in the Second Polish Republic Policy and in the Concepts and Actions of Ukrainian Political Forces in the Interwar period], in *Ukraina–Polshcha: vazhki pitannia. Materiali XI Mizhnarodnogo seminaru istorikiv «Ukrains’ko-pol’s’ki vidnocini pid chas Drugoi svitovoi viini». Varshava, 26–28 kvitnia 2005 roku*, pp. 155–190.vol. 10. Warsaw.

Mironovich, A. *Revindikatsiia pravoslavnykh tserkvei vo II Rechi Pospolitoi* [The Recovery of Orthodox Churches in the Second Polish Republic] [https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1799-revindikatsiya-pravoslavnykh-tserkvej-vo-ii-rechi-pospolitoj.html, accessed on 08.07.2018].

Papierzyńska-Turek, M. (1976) Kościół prawosławny w Polsce w latach 1918–1927 — sytuacja prawna i konflikty wewnętrzne [The Orthodox Church in Poland in the years 1918–1927 — legal situation and internal conflicts], *Dzieje Najnowsze*. R. 8 z. 3: 15–32.

Pol’sha v XX veke: ocherki politicheskoi istorii [Poland in the Twentieth Century: political history essays] (2012). Moscow: Indrik.

Stokolos, N.G. (2005) “Politika uriadiv mizhvoennoi Pol’shchi (1918–1939 rr.) shchodo pravoslavnoi tserkvi i ukraintsiv” [The policy of governments of interwar Poland (1918–1939) concerning Orthodox Church and Ukrainians], *Ukrains’kii istorichnii zhurnal*. 5: 59–81.

Wynot, E.D. (2015) *The Polish Orthodox Church in the Twentieth Century and Beyond: Prisoner of History*. London, Lexington Books.

Zubowski, P. (2017) Władze wojskowe, cywilne i kościelne a problem cerkwi prawosławnych w II Rzeczypospolitej — stadium na przykładzie świątyń Suwałk, Łomży i Augustowa [Civil, military and Church authorities and problem of Orthodox churches in the Second Polish Republic — a study illustrated with an example of churches at Suwałki, Łomża and Augustów], *Dzieje Najnowsze*. R. 49 z. 4: 135–163.